

**Лицевое шитье XVI–XVII вв. из Можайского Лужецкого
монастыря в собрании Историко-архитектурного
и художественного музея «Новый Иерусалим»**

Предварительное, далеко не полное, изучение произведений древнерусского шитья из Можайского Лужецкого монастыря имело место параллельно работе над каталогом лицевого шитья XVI – нач. XVIII веков из собрания Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим». Со времени своего основания в 1920 г. и вплоть до 1992 г., когда он был перепрофилирован, музей фактически выполнял функции Московского областного краеведческого музея.

Трудность изучения собрания, подобного нашему, состоит в том, что оно не является сколько-нибудь однородным, как, например, коллекция Архангельского краеведческого музея или Пермской картинной галереи, не говоря уже о Сергиево-Посадском музее-заповеднике. Собрание древнерусского прикладного искусства музея «Новый Иерусалим», в том числе лицевого и орнаментального шитья, сложилось в результате поступления в 1920–1930-х гг. в его фонды произведений из закрытых подмосковных монастырей и церквей. Отдельные единичные предметы попали к нам и из других регионов, а из Никоновского музея в Валдайско-Иверском монастыре в 1933 г. поступил целый фонд, состоящий из икон, книг и памятников декоративно-прикладного искусства. Эту работу существенно осложняет то обстоятельство, что после того, как в 1941 г. отступающие немецко-фашистские войска взорвали памятники ансамбля Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, почти полностью погиб довоенный научный архив музея и его учетная документация.

Интересующий нас фонд был в октябре 1941 г. эвакуирован в Алма-Ату, и в послевоенную Главную инвентарную книгу вернувшиеся из эвакуации

экспонаты были записаны как поступившие «из бывшего Истринского музея». Таким образом, они окончательно потеряли свои первоначальные адреса. Достаточно для примера сказать, что шитье из Валдайско-Иверского монастыря было записано в послевоенную книгу как вклады в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. В процессе работы над инвентарными описаниями по пометкам на подкладках было уточнено происхождение некоторых экспонатов, в том числе и происходящих из Лужецкого монастыря. При обработке научного архива 1920–1930-х гг. нашлась инвентарная книга 1928 г. фонда церковных тканей. В этой книге отмечены экспонаты, поступившие из Можайского Лужецкого монастыря со ссылкой на акт 23 февраля 1927 г. К сожалению, сам акт передачи в архиве музея «Новый Иерусалим» не обнаружен¹.

Литература по истории Можайского Лужецкого монастыря, к сожалению, крайне скудна². Упоминаний о произведениях, связанных с этим монастырем и хранящихся в других собраниях, в публикациях о древнерусских тканях и шитье нам не встретилось. Немногочисленность дошедших до нас произведений, связанных с одним из древнейших монастырей Московского края, объясняется тем, что Лужецкий монастырь неоднократно подвергался разорению и разграблению. Особенно сильно обитель пострадала в Смутное время и в 1812 году. Весьма скудные сведения о некоторых интересующих нас предметах значатся в публикациях архимандрита Дионисия³.

Согласно сведениям архимандрита Дионисия, в монастыре в 1892 г. имелось 20 различных описей, составленных в разные годы, начиная с 1681-го и заканчивая 1856-м. Последняя опись 1856 г. была составлена «согласно предписанию 1853 года по утвержденной форме»⁴. В 1878 г., как пишет архимандрит Дионисий, «окончено исследование сохранившихся описей, сделаны к ним объяснения и вложены в папки»⁵. Выявление этих документов в архивах и их изучение, несомненно, даст возможность дополнить известные на

сегодняшний день сведения о хранящихся в нашем собрании произведениях, происходящих из Можайского Лужецкого монастыря.

Одним из его украшений является пелена «Богоматерь Умиление с Деисусом»⁶. Произведение загадочное, если следовать записям в учетных документах музея. В книге 1928 г. она значится как «Палица с 5 кусков вышивки, с изображением Смоленской. XVII в.» В послевоенной Главной инвентарной книге она тоже записана как «палица с изображением Смоленской Богоматери» и, более того, – «из ризницы Ново-Иерусалимского монастыря». Возможно, сотрудников, которые осуществляли записи, вводила в заблуждение кисть, до реставрации сохранявшаяся у правого нижнего угла. Изображение же Богоматери даже отдаленного сходства со Смоленским образом не имеет. Произведение с большим тактом собрано из пяти кусков. Центральный образ и боковые орнаментальные полосы, на наш взгляд, можно датировать концом XVI столетия, а верхнюю часть с изображением поколенного Деисуса и нижнюю орнаментальную полосу – XVII в.

Шитый образ Богоматери с младенцем исполнен с изумительным мастерством. Выразительная линейная основа и виртуозное исполнение личного – главные качества этого маленького шедевра. Личное шито «по форме» без притенений, очень тонким светло-коричневым шелком, почти неразличимыми стежками. Исключительно их направлением создается мягкая округлая форма нежно соприкасающихся ликов. Лики и руки очерчены тонкой линией из нитей двух цветов – темно- и светло-коричневого. Светлый и темный швы чередуются, сливаясь и смягчая резкость линии. Этот тонко рассчитанный прием заметен лишь при пристальном рассматривании в ярком свете. Серебряно-золотное шитье одежд, фона и полей с рельефными цветками-розетками в углах последних уподоблены драгоценному окладу.

Боковые орнаментальные полосы из выгоревшего до песочного цвета когда-то малинового атласа с сильно стилизованным тонким извивающимся серебряным стеблем с круглыми цветками, шиты «по веревочке» с гладким

золотым заполнением серединок «цветков». Последний прием часто встречается на произведениях XVI в. и, вероятно, является подражанием орнаментальному шитью, чаще всего жемчугом, с включением золотых и позолоченных плащиков.

Деисус переложен с первоначально вишневой камки на светло-коричневый фон. Шитье здесь грубее и проще. Личное шито крупными стежками чуть рыхло. Лик Христа светлее ликов предстоящих. Скорее всего, он обновлен. Со средником фигуры Деисуса объединены двойным серебряным шнуром, которым выложен орнамент на полях иконы и нимбе Богоматери, складки одежд Марии и Христа⁷.

Палица с изображением Спаса Вседержителя с предстоящими Богоматерью и Иоанном Предтечей⁸ датирована XVI в. Хорошо вписаны в средник стройные исполненные достоинства фигуры с большеглазыми ликами. Яркие прикрепы сложных швов гармонируют с цветом средника и кайм. Темно-голубая камка кайм почти утрачена, фоном для надписи: **«О ТЕБЕ РАДУЕТСЯ ОБРАДОВАННАЯ ВСЯКАЯ ТВАРЬ АРХАНГЕЛЬСКИЙ СОБОР И ЧЕЛОВЕЧЕ»** – служит синяя крашенина, подложенная под камку. Пропорциональный рисунок, качество материалов, с большим мастерством исполненное шитье позволяют предположить, что палица вышла из достаточно крупной мастерской с хорошо обученными мастерицами. Заметные детали – выполненные более светлыми, чем лики, шелком белки глаз, на фоне которых довольно резко выделяются зрачки и резко очерченные черным контуром перышки крыльев шестокрылов, – позволяют надеяться, что при более широком знакомстве с коллекциями шитья в других музеях, каталогов которых, к сожалению, не существует в сколько-нибудь полном объеме, можно будет отнести данное произведение к какой-нибудь конкретной мастерской⁹.

Если вышеназванные произведения мы относим к Лужецкому собранию на основе записей в музейные книги, то следующие имеют подтверждение в виде вкладных надписей и вышли из домовых светлиц вкладчиков. **«ЛЕТА 7170**

(1662) ИЮНЯ В 6 ДЕНЬ ПРИЛОЖИЛА СИЮ ПОЛИЦУ В ДОМ РОЖДЕСТВУ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ В ЛУЖЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ АЛЕКСЕЕВА ЖЕНА ЛУГОВСКОГО МАРИЯ МИХАЙЛОВНА ПО СВОИХ РОДИТЕЛЕХ» – значится в надписи на каймах палицы с изображением Рождества Богоматери¹⁰. Летопись следует за тропарем на Рождество Богоматери, ничем не отличаясь от него по написанию. Красивые вытянутые буквы, шитые серебром по светло-зеленому фону кайм, образуют орнаментальное обрамление средника из вишневого атласа.

Иконография композиции традиционная со сценой купания младенца. Иоаким изображен погрудно прямолично в окне башнеобразной постройки. Исполнение отличается ярко выраженными особенностями, которые мы находим и на других произведениях, вышедших из мастерской Марии Луговской. В данном случае – это расшитое равнобедренными треугольниками основание ложа Анны, довольно подробное изображение архитектуры с завершениями в виде арок и арочек и округлые лики с круглыми же глазами. В Краткой летописи Лужецкого монастыря архимандрит Дионисий под 1662 г. помещает сообщение, что «в сем году некая Мария Михайловна Луговская дала шитою ею палицу»¹¹.

Известны вклады Марии Михайловны Луговской в церкви и монастыри Ростова Великого¹². Среди них очень близкая нашей палице пелена 1664 г. с аналогичным сюжетом таким же начертанием и расположением надписей, но с еще более примитивистским, угловатым рисунком. В Ярославских землях Луговские имели родовые вотчины, поскольку их род – ветвь ярославских князей Львовых¹³. С чем связан вклад Марии Михайловны в Лужецкий монастырь – предстоит уточнить. Возможным объяснением может служить родство с Мусиными-Пушкиными, которые владели землями в Можайской десятине. Мария Луговская была сестрой жены Алексея Богдановича Мусина-Пушкина, комнатного стольника царя Алексея Михайловича Ирины Ивановны Мусиной-Пушкиной, урожденной Еропкиной¹⁴.

Епитрахиль с изображением Благовещенья и избранных святых вложена в Лужецкий монастырь Агриппиной (в другом варианте Аграфеной) Павловной Нарбековой – женой Василия Саввича Нарбекова – стольника и окольного царя Алексея Михайловича и правительницы Софьи¹⁵. Летопись шита вязью по периметру епитрахили, дата утрачена: **«МЕСЯЦА (СЕНТЯБРЯ ИЛИ ОКТЯБРЯ) ПОСТРО... СИЮ ЕПИТРАХИЛЬ В ОБИТЕЛЬ ПРЕЧИСТЫЯ БОГОРОДИЦЫ ПРИСНО ДЕВЫ МАРИИ И ЧЕСТНАГО И СЛАВНАГО РОЖДЕСТВА И ПРЕПОДОБНАГО ЧУДОТВОРЦА ФЕРАПОНТА В МОЖАЙСКЕ В ЛУЖЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ СТОЛЬНИКА ВАСИЛЬЕВА ЖЕНА САВВИЧА НАРБЕКОВА АГРИППИНА ПАВЛОВНА ПО ОТЦЕ СВОЕМ И МАТЕРИ СВОЕЙ ФЕОДОСИЕ И ПО ПРОЧИХ РОДИТЕЛЯХ В ВЕЧНОЕ ПОМИНО...»**. Епитрахиль из вишневого атласа, к сожалению, имеет множественные утраты фона и частичные – шитья. Вверху – Благовещенье, ниже в рост прямолично изображены святые: Святитель Николай Мирликийский (Можайский), преподобный Ферапонт Можайский, преподобный Василий и святая мученица Агриппина. По составу изображенных и композиции – это обычная вкладная епитрахиль. Даже без летописи ее можно было бы отнести к вполне определенной обители, а по владельцам окрестных земель вычислить вкладчиков. Василий Саввич Нарбеков владел землями, сопредельными владениям Лужецкого монастыря¹⁶. К сожалению, утрата даты не позволяет датировать епитрахиль каким-то определенным годом. Возможно, изучение архивных документов в дальнейшем позволит это сделать. На настоящий момент датировка весьма расплывчата – 1660–1679 гг., когда Василий Саввич Нарбеков упоминается в разрядах, как царский стольник¹⁷.

Исполнена епитрахиль в домовой светлице, и возможно, самой хозяйкой и вкладчицей. Об этом говорит и недостаточно совершенный рисунок, лики как бы с «расплывчатыми» чертами, некоторое однообразие в исполнении золотного шитья и довольно крупные, рыхловато наложенные лишь с

некоторым намеком на форму стежки шитья личного. Красиво написанная вкладная надпись указывает на то, что мастерица имела возможность пользоваться услугами грамотного умелого словописца, а попытка вписать фигуры в арочки говорит о ее знакомстве с более сложными по композиции образцами, вышедшими из мастерских Кремля.

Состав святых определил и общее колористическое решение произведения. Бордово-коричневый, синий, табачный цвета одежд преподобных и Агриппины в сочетании с блеском золотных и серебряных нитей, поблескиванием сканого светло-зеленого шелка поземов и все объединяющего вишневого цвета фона придают произведению цветовое разнообразие и даже богатство, что не так уж часто встречается в памятниках XVII столетия.

Представленное на конференции сообщение не имело целью исчерпать все вопросы, связанные с памятниками лицевого шитья из Можайского Лужецкого монастыря, хранящиеся в музее «Новый Иерусалим». Их изучение, уточнение датировок и сведений о вкладчиках может и должно быть продолжено. На данном же этапе задача была более чем скромной – познакомить с тем немногим, что сохранилось и совсем не известно научной общественности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Помимо лицевого шитья, в музее «Новый Иерусалим» хранятся и памятники орнаментального шитья XVII столетия, поступившие из Можайского Лужецкого монастыря в 1926 г.¹⁸.

Вкладом В.С. Нарбекова является набедренник из гладкого зеленого бархата с шитым стилизованным растительным орнаментом и вкладной надписью: **«ДАЛ ВКЛАДУ АКОЛЬНИЧЕЙ ВАСИЛИЙ САВИЧ НАРБЕКОВ И ЖЕНА ЕВО АГРАФЕНА»**, исполненная золотными нитями по серебрянному фону горизонтальных полос в нижней его части¹⁹. Датировать набедренник, вероятно, следует периодом с 1684 по 1699 гг., когда Василий Саввич упоминается в Дворцовых разрядах, как окольниковый²⁰. Этой датировке

не противоречит и характер крупномасштабного цветочного орнамента с выраженной центральной осью.

С пометкой на картонной бирке «Нарбеков. 1668–81» поступила в музей епитрахиль²¹ из темно-красного бархата с обильными блестками по фону и орнаментом в виде вьющегося стебля с рельефными цветками и плодами граната – типичным для произведений 2-й пол. XVII в.

Фелонь из золотного бархата с шитым по красному бархату оплечьем²² интересна тем, что орнамент на оплечье в виде вьющегося и переплетающегося стебля с цветками гвоздики идентичен орнаменту на оплечье фелони из золотного же бархата из ризницы Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, которая была вложена в монастырь царем Федором Алексеевичем²³.

Специального исследования требует фелонь из золотного атласа с оплечьем, шитым «на чеканное дело»²⁴. В качестве звездницы здесь нашита шитая звезда ордена Андрея Первозванного – не изображение звезды, а знак ордена – сама звезда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно инвентарной книге церковных тканей 1928 г., всего поступило 18 экспонатов. Из них 5 датировано XVIII в., 13 экспонатов датированы XVI–XVII столетиями. Среди них в книге значатся 5 предметов лицевого шитья. В настоящее время в музее хранятся 4 предмета с лицевыми изображениями. Поручи XVI в. «с изображением святых», как они значатся в книге 1928 г., отсутствуют, и их судьба неизвестна.

² *Виноградов Н.* Преподобный Ферапонт Можайский Лужецкий чудотворец и основанная им обитель в ее прошлом и настоящем. М., 1908; *Геронтий (Кургановский).* Можайский Лужецкий 2-го класса Ферапонтов монастырь Московской епархии. М., 1902; *Дионисий (архим.) Виноградов.* Можайские акты. 1506–1775 гг. Спб., 1892; *Он же.* Краткая летопись Можайского Лужецкого монастыря. М., 1892; *Холмогоровы В. и Г.* Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. Вып. X. Можайская десятина (Московского уезда). М., 1901.

³ Архимандритом Дионисием опубликована опись (черновик) церквям в ризнице Лужецкого монастыря 1763 г. См.: Можайские акты...С. 382–388.

⁴ См.: Дионисий (архим.) Краткий летописец... С. 81–82.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Пелена. Богоматерь Умиление с Деисусом.

Шитье – Московский регион, XVI и XVII вв.

Ткани – Западно-европейского производства.

Камка, атлас, шелковые, пряденые золотные и серебряные нити, крашенина.

Ткачество, шитье.

Разм. 37x41. №КП 1379. Инв. №Тц – 304. Отреставрирована в 1976 г. реставратором ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря М.П. Рябовой

⁷ В описи 1763 г. числится хоругвь с изображением Смоленской и Владимирской икон Богоматери. Возможно, наша пелена была частью этой хоругви, и отсюда проистекают ошибки в музейных учетных документах. Подтвердить или опровергнуть это довольно смелое предположение можно будет, изучив другие монастырские описи по мере их обнаружения. В той же описи записана: «Палица шита золотом и серебром. На ней образ Владимирския Богородицы, да вверху Деисус. Без подкладки». И это свидетельство требует уточнения. (См.: Дионисий (архим.) Можайские акты...С. 365, 382).

⁸ Палица. Вседержитель с предстоящими.

Шитье – Москва, 2 пол. XVI в.

Камка – Италия, XVI в.

Камка, крашенина, шелк. Шелковые, пряденые золотные и серебряные нити.

Ткачество, шитье. Разм. 44,5x43 см. №КП 1057. Инв. № Тц – 49

Отреставрирован в ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря в 1983 г., реставратор Р.А. Петрова.

⁹ В описи 1763 года есть запись: «Палица шита золотом и серебром по червчатой земле, в средней шито: образ Спасителей и Предтечи Иоанна, херувимов, а вокруг...с золотом...». Скорее всего, это не совсем точное описание нашей палицы. К сожалению, пропущена надпись на каймах.

¹⁰ Палица. Рождество Богоматери.

Шитье – Москва, мастерская Марии Луговской, 1662 г.

Ткани – иностранного производства, XVII в.

Атлас, шелк, шелковые, пряденые золотные и серебряные нити, сканые нити.

Ткачество, шитье. Разм. 44x44 см. №КП 1045, Инв. №Тц – 40.

¹¹ *Дионисий (архим.)*. Краткая летопись...С. 31.

¹² *Пуцко В.* Ростовское шитье XVII века // «Декоративное искусство». № 6. 1987. С. 47–48.

¹³ *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. М., 1991 (повторение издания – СПб., 1886. С. 165–166).

¹⁴ *Холмогоровы В. и Г.* Указ. соч. С. 65; *Савелов Л.М.* Еропкины. М., 1909.

¹⁵ Дворцовые разряды. Т. III. СПб., 1852. С. 1288, 1325, 1423, 1433.

¹⁶ Епитрахиль. Благовещенье и избранные святые.

Шитье – Москва, мастерская Агриппины Павловны Нарбековой. 1660–1670-е гг.

Ткани – иностранного производства, XVII в.

Атлас, камка, парча. Холст, набойка, шелковые, пряденые серебряные и золотные нити, шелковые кисти. Ткачество, шитье. Разм. 150x30 см. № КП 1244. Инв. №Тц – 210.

¹⁷ *Холмогоровы В. и Г.* Указ. соч. С. 151, 227, 243, 246.

¹⁸ Дворцовые разряды. Т. III и IV. СПб., 1852–1853. Первое упоминание под годом 7176. Т. III. С. 522. Последнее упоминание под годом 7187. Т. IV. С. 96.

¹⁹ См.: Примечание 1.

²⁰ Набедренник.

Шитье – Москва, 1680–1690-е гг.

Бархат – Италия, XVII в.

Бархат, шелк, позумент. Шелковые, пряденые золотные и серебряные нити.

Ткачество, шитье «в прикреп». Разм. 85,5x45,5 см. № КП 1044. Инв. №Тц – 39.

Отреставрирован в 1981 г. реставратором музея «Новый Иерусалим» Л.Л. Агаповой.

²¹ Дворцовые разряды. Т. IV.

Первое упоминание под 7192 г. С. 242. Последнее упоминание под 7207 г. С. 1107.

²² Епитрахиль.

Шитье – Москва, 3/4 XVII в.

Бархат – иностранного производства, XVII в.

Бархат, хлопчатобумажная ткань, пряденые золотные и серебряные нити, блестки, шнур. Ткачество, шитье «в прикреп» и «по высокому».

Разм. 148x34 см. № КП 1058. Инв. № Тц – 50.

²³ Фелонь. Москва, 1670–1680-е гг.

Золотный бархат – Турция, XVII в.

Золотный бархат, бархат, кружево, позумент, тафта, шелковые, пряденые золотные и серебряные нити, блески. Ткачество, шитье «в прикреп» и «по веревочке», плетение. Разм. Дл. 144 см. Оплестье в сложенном виде 37x85 см. № КП 1042. Инв. № Тц – 42.

²⁴ Фелонь, Москва, 1678 г.

Золотный бархат – Турция, XVII в.

Золотный бархат, бархат, кружево, позумент, тафта, блески. Ткачество, плетение, шитье «в прикреп» и «по веревочке». Разм. Дл. 140 см.

Оплестье в сложенном виде 39x87 см. № КП 1220. Инв. № Тц – 187.